

Александр Житинский,
Андрей Гаврилов

Вступление рок-дилетанта

Заканчивая свой неперIODический цикл статей с общим подзаголовком «Записки рок-дилетанта», которые публиковались в нашем журнале в 1982—1985 годах, я, помнится, пообещал читателям, что разговор о популярной музыке будет продолжен, но уже в иных рамках и в ином ключе.

Дело в том, что за период «рок-дилетантизма», если можно так выразиться, у меня накопилось значительное количество читательских писем, многие из которых затрагивали столь серьезные и острые вопросы, что мельком упомянуть о них в обзоре писем, каковым я намеревался закончить «Записки», было бы обидно. С другой стороны, на личные ответы корреспондентам зачастую не хватало ни времени, ни музыкальной эрудиции. И тогда родилась идея — вынести переписку с читателями на страницы журнала, пригласив себе в помощь постоянного собеседника, которому современная популярная музыка ближе, понятнее и «роднее», чем мне, — и по возрасту, и по музыкальному образованию.

Собственно, идея эта родилась уже после того, как я познакомился с таким человеком — как всегда, случайно. Я с удовольствием его представляю.

Зовут его Андрей Гаврилов, ему 34 года, живет он в Москве. Наше сходство заключается в том, что оба мы — профессиональные литераторы и любим музыку во всех ее проявлениях, начиная от

лютневой и кончая «новой волной». Однако, в отличие от меня, чаще пишущего повести, чем статьи, Андрей чаще пишет статьи, чем повести. В основном они посвящены современной музыке (джаз, рок) и публиковались в журналах «Музыкальная жизнь», «Мелодия», «Ровесник» и других, а также в газетах «Советская культура», «Московский комсомолец». Андрей Гаврилов — коллекционер грампластинок, член Московского клуба филофонистов. Ряд его музыковедческих текстов можно прочитать на конвертах лицензионных пластинок, выпускаемых фирмой «Мелодия». Если учесть, что он так же профессионально занимается переводом, ибо свободно владеет английским и французским, то станет ясно, что он совершенно компетентен в современной музыке, поскольку, в отличие от меня и многих молодых почитателей рок-музыки, может не только слушать, но и понимать тексты песен.

Разговаривая о проблемах современной музыки, в частности того ее направления, которое именуют рок-музыкой, мы обнаружили, что различие наших точек зрения на нее, порожденное разницей возраста и музыкального образования, при общем заинтересованном и благожелательном подходе к явлению, не мешает, а помогает вести диалог. Расставаясь, мы решили его продолжить в эпистолярном жанре, а также подключить к нашей переписке читателей — тех, которые уже написали отклики на «Записки рок-дилетанта», и тех, которые, как мы надеемся, нам напишут.

Мы также будем включать в наш эпистолярный выдержки из высказываний о популярной музыке, появляющиеся на страницах периодики, чтобы поспорить с ними или, наоборот, поддержать.

Итак, мы начинаем наше шоу, как поется в одной песенке.

Тур первый:

How do you do, M-P ДЖОНСОН?

Рок-дилетант — Андрею Гаврилову

Дорогой Андрей!

Как Вы помните, расставшись некоторое время тому назад в Москве, мы договорились, что переписка наша не должна жестко укладываться в какие-то тематические рамки, но все же известная упорядоченность нам необходима, дабы «не растекаться мыслью по древу». Исходя из этого, я предлагаю обсуждать многочисленные проблемы рок-музыки, опираясь на конкретные явления — зарубежные и отечественные, — а в качестве первого избрать ансамбль, явившийся если не родоначальником этой музыки, то первым ее всемирно известным представителем.

Я, как Вы понимаете, говорю о «Битлз».

Проблема, которую я предлагаю обсудить на примере творчества «Битлз», как это ни странно, и сегодня не утратила своей

актуальности, если судить по некоторым откликам на мои «Записки».

Итак, в какой мере рок-музыка является искусством? Не есть ли она просто-напросто ритмический звуковой наркотик, одурманивающий слушателя? Не является ли она порождением музыкально неграмотных людей, которые с помощью громких звуков, вызывающих движения и странных одежд хотя бы обратят (и часто обращают) на себя внимание столь же невежественной толпы? И даже если это — искусство, то не второго ли сорта?

Такого рода сомнения встречаются еще нередко. В ответ на них я обычно указываю на музыку и творческую судьбу «Битлз». Давайте попытаемся в этом разобраться.

О «Битлз» написано столько, что добавить к этому хоть слово могут решиться либо полные профаны, либо искушеннейшие знатоки. Согласен на первую роль, тем более что с нею я уже хорошо освоился в «Записках рок-дилетанта».

Впрочем, «написано» — это еще не значит «прочитано», ибо основная масса публикаций о «Битлз» появилась за рубежом. Однако и у нас писали. Это я понял, когда ознакомился с содержанием одного конверта, любезно предоставленного мне любителем рок-музыки, где были собраны вырезки из газет и журналов, посвященные «ливерпульской четверке», начиная примерно с 1964 года, то есть с момента возникновения так называемой «битломании». Там я нашел любопытнейшие высказывания.

«Они назвали себя „битлз“ — словечком, которое можно перевести с английского как „жучки“, „стучачи“ или „попрыгунчики“. Честно сказать, они и не рассчитывали на всемирную славу. Ведь это было просто дурачеством — вопить, прыгать и трястись под музыку, исполняемую на стиральной доске и других подобных инструментах...»

Кстати, Андрей, Вы не помните, кто именно играл на стиральной доске? Джордж или, может быть, Ринго?

Или вот еще хлеще: «Их четверо, английских парней из Ливерпуля. Если не знать, что это еще вчера чужие люди, то можно принять их за близнецов. Настолько одинаковы их походка и прически; пронзительные горловые звуки с характерным ливерпульским взрывом „джейз“, а главное — выражение глаз, эдакая „смесь детской непосредственности с хорошо отрепетированной ставкой на обаяние“. Популярность ливерпульского квартета „Битлс“ (отбивающий ритм, — *англ.*) росла с необыкновенной быстротой...»

Ну, а как же быть с тем, что эти «вчера чужие люди» до момента своей бешеной популярности около восьми (!) лет безуспешно пытались добиться внимания публики, сочиняя сотни песен, канувших в небытие?

Вооруженный гигантским опытом двадцати с лишним лет, я совсем не хочу сейчас смеяться над незадачливыми журналистами. Теперь «Битлз» нет нужды защищать. Время все расставило по местам. Однако эти пожелтевшие вырезки напоминают, сколь неосновательными и смешными могут оказаться успешные мнения. Поэтому лично я всегда их остерегался, предпочитая сначала разобраться.

Знаете, что напомнили мне эти старые вырезки?.. Нашу газетную полемику прошедших двух-трех лет, где высказывались столь же поспешные и неаргументированные мнения о творчестве отечественных молодых музыкантов — профессиональных и самодеятельных. Причем, чем популярнее была группа, тем больше ей доставалось.

лось на орехи. Популярность в глазах критиков была неким отягчающим вину обстоятельством. Они будто забывали о том, что сам жанр рок-музыки требует предельной демократичности. Я не говорю, что нападки были сплошь несправедливы, но... давайте все же подождем с резкими выводами. А то может статься — лет через двадцать Макаревич, Гребенщиков или Науменко попадут в классики отечественной рок-музыки, а мы окажемся в смешном положении, как оказались в нем хулители советского джаза в пятидесятые годы. Джаз, тоже выйдя из самодеятельности, превратился в полноправную часть советской музыкальной культуры, о чем свидетельствует хотя бы регулярная «Джазовая панорама» на ЦТ.

Но вернемся к нашим героям и их оппонентам. В той же подборке самые резкие и аргументированные высказывания принадлежат, как это ни странно, соотечественнику «Битлз», некоему Полу Джонсону. Его трудно обвинить в предвзятости, поэтому предлагаю взять его в собеседники, для чего посылаю вырезку из еженедельника «За рубежом» № 15 за 1964 год, где помещен перевод статьи мистера Джонсона.

Пока Вы знакомитесь со статьей, я послушаю мою любимую пластинку «Битлз» «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера» — конечно, в магнитофонной записи...

*До скорой встречи!
Рок-дилетант.*

Пол Джонсон — читателям журнала «Нью Стейтсмен»

...Феномен под названием «битлз», в сущности, доказывает одно: если какое-то явление становится в достаточной мере значительным и популярным и в особенности коммерчески выгодным, то найдется немало солидных людей, которые украсят его добродетелями. Пока «битлз» были просто одним из пользующихся успехом эстрадных ансамблей, столпы общества могли позволить себе игнорировать их...

Но затем их ушей достигла потрясающая новость о том, что «битлз» зарабатывают 6250 тысяч фунтов в год и получили «о'кей» в Америке.

И все изменилось. «Битлз» стали не только одной из статей экспорта, но и ценной фигурой в избирательной борьбе. Сэр Алекс Дуглас Хьюм немедленно потребовал для них признания и столь же быстро был обвинен Вильсоном в том, что он ворует его политические лозунги. Королева выразила озабоченность длиной волос Ринго Стар. Один журналист назвал «битлз» «самыми лучшими посланцами Англии...» Правда, епископ Вулвича еще не пригласил их выступать в церкви, но такое предложение не заставит себя ждать.

Разумеется, наше общество долго оболванивали, чтобы подготовить его к такому апофеозу глупости.

Все больше и больше представителей интеллигенции порывало в течение последних двадцати лет со своими прежними идеалами и преклоняло колени у алтаря «популярной культуры».

Чтобы укрепиться в уважении к себе как к людям с высокоразвитым интеллектом, эти изменчивые клерки от культуры создали

тщательно разработанную мифологию о джазе, пытаюсь выделить в его развитии различные периоды, тенденции и школы.

Вы можете увидеть, как взрослые люди, на образование которых потрачено немало денег, занимаются горячими спорами по поводу профессиональной техники Чарли Паркера или Дюка Эллингтона. Вы можете увидеть, как видные писатели, чьи седые полосы свидетельствуют о многих годах, проведенных на ниве культуры, толпятся в плохо пахнущих кабаках, где сквозь пелену дыма, сквозь запахи пота и дешевой косметики прорываются монотонные ослиные крики взбесившихся инструментов.

Прежде чем меня объявят реакционером и брюзгой, давайте на минутку остановимся и определим, что понимается под словом «молодежь». В еженедельные программы, передающиеся по обоним телевизионным каналам, специально для подростков включено проигрывание записей популярной музыки, которым потом выдаются оленки. Во время исполнения музыки телекамеры бесцеремонно бродят по лицам присутствующих. Какую бездонную пустоту они являют взору! Огромные лица, вспухшие от заснувших за щеку дешевых сластей, размалеванные бросовой косметикой, разинутые, с отвисшей челюстью рты и тусклые глаза, руки, в бессознательном ритме вторящие музыке, сломанные шпильки каблучков, дешевая, стандартная «модная» одежда — вот, по-моему, коллективный портрет поколения, поработанного коммерческой машиной.

Недавно, уходя из телевизионной студии, я попал в водоворот толпы, расходившейся после одного из таких сборищ. Какими жалкими и апатичными казались эти молодые девушки, вряд ли старше шестнадцати лет, одетые по-взрослому и покорные, точно пушечное мясо! Очевидно, над созданием подобного облика «молодежи» трудятся какие-то люди, наверняка постарше и похитрее.

Так или иначе, достоинства музыки в данном случае вообще не имеют отношения к делу. Подросток приходит не слушать музыку, а принять участие в ритуале, в коллективном поклонении богам, которые сами тоже и слепы и пусты.

Можно было бы впасть в отчаяние, если бы «битлз» и им подобные были действительно тем идеалом, к которому стремится молодежь Англии. Я, как и всякий интеллигентный человек, отказываюсь верить в это. Что мы делали в шестнадцать лет? Я помню скуку греческой прозы и латыни, но я могу также вспомнить, как мы прочли всего Шекспира и Марло, писали стихи, пьесы и рассказы. Это чудесный возраст. Возраст усиленной умственной деятельности и открытий. Почти ежедневно каждый из нас находил нового кумира — Мильтона, Вагнера, Дебюсси, Матисса, Эль Греко, Пруста. Конечно, не без того, чтобы кто-нибудь из них с течением времени не был выкинут из Пантеона, но все наши идеалы были почерпнуты из широкого потока европейской культуры. В шестнадцать лет я и мои друзья впервые услышали исполнение Девятой симфонии Бетховена; я и сегодня помню наше восхищение. Мы бы и тридцати секунд не потратили из нашего драгоценного времени на «биглз» и их чепуху.

Неужели подростки так изменились? Конечно, нет. Те, что, как овцы, толпятся вокруг «битлз», кто доводит себя до истерии, чьи пустые лица мелькают на телевизионном экране, — самые несчастные представители молодого поколения, самые скучные, самые ленивые, самые никчемные. То, что их так много, — это не повод для радости, а страшное обвинение нашей образовательной системе...

Рок-дилетант — Андрею Гаврилову

Андрей, разрешите мне продолжить.

Еще раз прослушал пластинку «Битлз» и убедился, что эта музыка мне нравится, хотя я не могу причислить себя к «молодежи», столь красочно изображенной мистером Джонсоном, и мне тоже дороги имена, перечисленные им, начиная с Шекспира и кончая Бетховеном. Музыка в «Сержанте...» красива, разнообразна, изобретательна, неожиданна. Правда, мистер Джонсон в 1964 году еще не мог слышать этой пластинки — диск тогда еще не появился, однако, думаю, он не изменил бы своего мнения.

Мне интересно: каким он был? Вероятно, лет шестидесяти. Ровесник века. Должно быть, окончил Оксфорд или Кембридж. Курил сигары, носил котелок... Был журналистом? Или, может быть, искусствоведом? Одно меня восхищает в его статье — она последовательна. Впрочем, и в актуальности ей не откажешь: подобные аргументы и сегодня встречаются на страницах печати.

Среди откликов читателей на мои «Записки» были и письма от представителей этой пуританской точки зрения. Как правило, писали люди старшего поколения. Читая их письма, я испытывал некую неловкость: «Как могли вы, взрослый человек, писатель, серьезно рассуждать об этом варварстве, духовном ширпотребе, низкопробных явлениях „массовой культуры“?»

И в самом деле, крыть нечем. Ведь аргумент у меня один: мне нравится эта музыка, вопреки всему, вопреки даже собственному эстетическому воспитанию. Последнее заставляет меня испытывать странную раздвоенность: я уверен, что высшие проявления духовности в музыке — это Бах, Моцарт, Бетховен, Шостакович... Их музыка заставляет меня испытывать глубочайшее наслаждение. Однако что-то мешает ввести тех «Битлз» в этот Пантеон, хотя, повторяю, их музыку тоже слушаю с удовольствием. Может быть, Бах и Моцарт удовлетворяют одни духовные потребности, а «Битлз» — какие-то другие, быть может, вовсе не духовные?..

Но так ли это? Что Вы думаете по этому поводу?

Мистеру Джонсону не откажешь в язвительности, как и в метких характеристиках тех, кого он именует «молодежью». С определенной точки зрения я с ним совершенно согласен: духовная пустота не может иметь оправдания. Такое впечатление, что Джонсон говорит о нынешних подростках, но вспомним, что статья появилась двадцать два года назад, когда нынешних шестнадцатилетних не было еще и «в проекте», как говорится. По существу, мистер Джонсон адресует свои филиппики их родителям, во всяком случае, он говорит явно о другом поколении.

Может быть, мы с Вами и есть те самые «умные люди», которые должны «найти умные формулировки, чтобы обосновать это явление»? Может быть, и мы виноваты в «духовном предательстве»? Меня утешает, что в компании «видных писателей», почитающих джаз, находился, например, Хулио Кортасар, посвятивший свою повесть «Преследователь» памяти Чарли Паркера. Впрочем, пренебрежение мистера Джонсона к этой «чепухе» столь велико, что он не дает себе труда отличить джаз от рока.

И все же временами меня терзают сомнения: не предпринимаю ли я в самом деле малопочтенные попытки примирить непримиримое и увидеть красоту там, где ее нет? Наверное, у Вас нет этих терзаний, и Вы легко и естественно включили музыку «Битлз» и их последователей в свой культурный обиход?

Интересно, как это у Вас происходило?

На этом заканчиваю, обеспокоенный доводами мистера Джонсона, на позициях которого, вероятно, следовало стоять и мне. Я же одной ногою с ним, благоговей перед Пантеоном человеческой культуры, другой же — с теми, кто самозабвенно слушает «Битлз», зачастую не имея ни малейшего представления об этом Пантеоне.

Нет ли тут противоречия?

Вероятно, мешает вот еще что: представление о классической музыке у меня, как и у многих других, такое: Бах, Моцарт, Бетховен, Григ, Малер, Прокофьев, Шостакович сменяли друг друга с некоей торжественной закономерностью, неизменно оставаясь на высотах духа и практически не обращая внимания на потребности «толпы». Но все время где-то в низших этажах музыкальной культуры существовала музыка «для ног», которая, в сущности, и породила джаз и рок-музыку. В лучших своих проявлениях она так же виртуозна и духовна, как симфоническая музыка, однако мы, помня ее «неблагородное» происхождение, никак не можем сами для себя уравнивать ее в правах с классикой. Отсюда и сомнения.

Но, быть может, у «неблагородной» музыки иные, не менее прекрасные традиции?

Видимо, я задал слишком много вопросов.

*Остаюсь Ваш —
Р.-дилетант.*

Андрей Гаврилов — рок-дилетанту

Уважасмый рок-дилетант!

Очень приятно было получить Ваши послания, хотя я вынужден не согласиться с таким простым распределением амплуа: Вы — «профан», а я, говоря Вашими словами, — «искушенный знаток». Не согласиться не только из благородно-воспитанной вежливости: «Ну что Вы, какой же Вы профан?!» (хотя, если говорить серьезно, Ваши «Записки рок-дилетанта» с их меткостью характеристик, глубиной наблюдений, честностью и доброжелательным вниманием оставляют далеко позади львиную долю многочисленных публикаций о рок-музыке — это не значит, правда, что я во всем с Вами согласен), но и потому, что полезнее и занимательнее будет вести именно диалог, и вряд ли кому-либо, кроме разве что горстки фанатиков, будет интересно, если я обрушу на Вашу (и их) голову кучу цифр, дат, имен, названий.

Хотя, безусловно, некоторая фактическая информация нужна и важна. Не знаю, заметили ли Вы, но в последнее время про «Битлз» у нас, если не считать переводных материалов в «Ровеснике», практически ничего не писали (публикация Артема Троицкого в «Музыкальной жизни» — это перевод трех западных статей, представляющих ныне скорее исторический интерес, а моя статья в «Московском комсомольце» была посвящена редким, не собранным записям «ливерпульской четверки» и адресована прежде всего коллекционерам и знатокам). Сложилась парадоксальная ситуация. Пластинки «Битлз» осели постепенно в домашних коллекциях, их записями ностальгически заслушиваются те, кому за тридцать, на гастроли к нам приезжает группа «Бутлег Битлз» — двойники прославленных музыкантов, фирма «Мелодия», верная своим традициям, издаст

пластинку «Звезды дискотек — I», где песни «Битлз» исполняет другой ансамбль (хотя иногда, действительно, очень похоже), но не издает пластинку самих «Битлз», и лишь иногда к нам попадают в небольшом количестве перепечатки вроде балкантоновской «Битлз. Песни любви». Выросло целое новое поколение молодых любителей музыки, не имеющих о «Битлз», в общем, ни малейшего представления, или же, что еще хуже, имеющих искаженную до неузнаваемости обрывочную информацию (я с этим столкнулся, когда по просьбе группы московских школьников готовил программу для их школьной дискотеки).

Поэтому я уверен, что мы должны попробовать хотя бы напомнить об этих выдающихся музыкантах, тем более что, как Вы справедливо заметили, многие из появившихся у нас публикаций о «Битлз» были, мягко говоря, любопытнейшими. В принципе большинство статей о ливерпульском квартете можно разделить на три группы: заметки неграмотно-тенденциозные (вроде тех, что Вы процитировали), заметки о светских новостях (кто постригся, у кого неприятности с полицией, кого якобы заменили двойником) и статьи о пресловутой «битломании» (даже Вы не смогли не упомянуть это слово в Вашем письме).

Я не хочу касаться битломании — не только потому, что это вопрос довольно сложный и относящийся скорее к области социологии, нежели музыки, но и потому, что мне кажется принципиально неверным судить о произведениях искусства, в частности, музыки по реакции слушателей, беснующихся, как правило, отнюдь не из-за достоинств или недостатков самого произведения (в этом — и практически только в этом — я согласен с мистером Джонсоном). Никто же не предлагает оценивать музыку Вагнера по истерически-экзальтированному трепету супермиллионерш во время знаменитого оперного фестиваля в Байрейте, правда?

Достопочтенный же мистер Джонсон лишь один раз в своей статье оценивает музыку «Битлз», называя ее «чепухой». Ну что ж, как люди широких взглядов, оставив за ним право на собственное мнение (хотя сам он такого права за другими явно не признает), тем более что человеку, далекому от музыки (иначе вряд ли бы он ждал шестнадцать лет, чтобы услышать впервые Девятую симфонию Бетховена, и не стал бы называть музыку «Битлз» джазом — я уж не говорю о его оценке творчества Чарли Паркера и Дюка Эллингтона!) и явно далекому от молодежи и ее проблем (иначе он не стал бы приводить в качестве примера себя и свое поколение), нелегко было понять, что же такое — эти четверо волосатых парней из Ливерпуля, ставшие к 1964 году суперсенсацией Британских островов.

Вы совершенно правы, уважаемый дилегант, этой суперсенсационности предшествовало около восьми лет тяжелейшей, изнурительной работы. Кстати, эти восемь лет, во многом сформировавшие участников ансамбля, до последнего времени привлекали мало внимания исследователей их творчества. «Битлз» (в начале их карьеры ансамбль носил другое название, но будем для простоты называть их именно так) несколько лет были лишь одной из многих ливерпульских групп, причем далеко не самой популярной, — уровень ливерпульских ансамблей был в то время весьма высок. Во второй половине пятидесятых годов в Ливерпуле можно было услышать весьма любопытную музыкальную смесь. С одной стороны — господствовавший в то время в Англии стиль «скиффл» — разжиженный, сладковатый вариант американского рок-н-ролла. С дру-

гой — сам американский рок-н-ролл: Ливерпуль — портовый город, и матросы с заходивших в него американских судов успешно при-торговывали пластинками Бади Холли, Билла Хейли, Элвиса Пресли, Литл Ричарда, Карла Перкинса, Чака Берри и других популярных в то время певцов. С третьей — настоящие блюзы — пластинок Би Би Кинга, Санны «Бой» Уилльямсона, Мади Уотерза также особенно много было в Ливерпуле (там всегда любили блюз и рок-н-ролл — даже тогда, когда вся остальная Англия заслушивалась Клиффом Ричардом — этим Питером Пэном английской поп-музыки). Наконец, с четвертой стороны — народная музыка разных районов Англии, Ирландии, африканских стран (опять-таки напомним, что Ливерпуль — портовый город). Эта на первый взгляд чудовищная мешанина стилей, манер, ритмов и привела к зарождению того, что много лет спустя начнут называть «ливерпуль саунд» — «ливерпульское звучание». Можно предположить также, что именно это привело — действительно одаренных музыкантов, как, например, «Битлз», — к музыкальной терпимости, к готовности и способности впитать любую музыку (заметим, к слову, что рок-музыканты — именно музыканты, а не поклонники — гораздо терпимее к другим музыкальным жанрам и формам, нежели, к примеру, музыканты симфонические).

«Ливерпульское звучание» настолько выделялось из общего потока популярной музыки того времени, что именно ливерпульские группы наиболее часто приглашались для выступлений в Гамбурге — этой своеобразной столице увеселительной жизни Европы пятидесятых годов, этаким европейском Лас-Вегасе. Приглашены как-то были и «Битлз». (Хотя Ринго Стар играл в то время в другом ансамбле, его группа также выступала в Гамбурге, так что эту суровую школу прошли все участники «Битлз».) Условия работы и жизни ливерпульских музыкантов в этом городе были ужасающими. Несколько концертов в день, репетиции (а «Битлз» в Гамбурге аккомпанировали певцу Тони Шеридану), разучивание новых песен, жалкие комнатухи за сценой, без окон... Даже молодость не спасала парней — впервые в жизни им пришлось принимать специальные таблетки, чтобы выдержать эту нагрузку. Плюс к тому нередки были случаи, когда под каким-нибудь пустяковым предлогом им не платили даже те жалкие гроши, что были предусмотрены контрактом. Но случались, конечно, и светлые дни в их гамбургской жизни, например, тот, когда, прихватив Ринго Стар (тогдашний ударник «Битлз» Пит Бест ушел гулять по городу), Джон Леннон, Джордж Харрисон и Пол Маккартни в какой-то доморощенной студии звукозаписи за свои, разумеется, деньги записали две песни. Каждый из них спустя несколько минут получил по паре экземпляров тут же напечатанной пластинки на память — пусть это был лишь забавный сувенир, зато они играли и пели то, что им нравилось. (До ваших дней дошел лишь один экземпляр этого диска, хранящийся в личной коллекции Маккартни. Записанные на нем песни никогда больше не переиздавались.) Или тот день, когда к ним (скорее, правда, к Тони Шеридану, но кто сейчас помнит Тони Шеридана?) подошел какой-то веселый и симпатичный человек и предложил заключить контракт на запись настоящего большого диска. Человек этот был знаменитый ныне музыкальный продюсер Берт Кемпферт, та пластинка регулярно переиздается до сих пор, а выпущенная отдельно «сорокапятка» «Моя Бонни», можно сказать, положила начало головокружительной карьере «Битлз».

Но до этого еще нужно было дожить! В родном Ливерпуле дела

обстояли не лучше. Здесь была другая крайность: концертов было намного меньше, чем хотелось музыкантам, платили за них все те же гроши, денег на аппаратуру не хватало, не на что было купить иногда даже необходимые инструменты.

Не знаю, как Вы, а я никогда не разделял укоренившегося мнения, что трудности — жизненные, бытовые, любые — необходимы художнику, иначе он не состоится, хотя и признаю, что примеров в пользу этого тезиса больше, чем в пользу обратного. История «Битлз» тоже льет воду не на мою мельницу. Нельзя не признать, что годы безвестности, неопределенности, неудач закалили их волю и не только научили находить контакт с залом, но и — это, наверное, главное — доказали им самим, что жить они могут только музыкой. Период мучительных колебаний и сомнений придет позже — именно тогда, когда они станут сенсацией и за них круто возьмутся воротилы музыкальной индустрии.

И это последнее, в чем я отчасти согласен с достопочтенным мистером Джонсоном, когда он говорит о сенсационности и коммерции.

Я, кажется, немного увлекся и танцую скорее вокруг печки, нежели от нее. Но действительно, разве можно рассказать о «Битлз» на нескольких страничках?..

Что же касается мистера Джонсона... Я не согласен, что его статья актуальна и сегодня. Если подобные аргументы встречаются в наше время, то только потому, что авторы оперируют мнениями, устаревшими лет на двадцать, если не больше. Интересно, а как Джонсон относится к Стравинскому?.. И я не думаю, что нам стоит «обосновывать это явление». По-моему, это нелепая постановка вопроса, да и сам Джонсон, как мне кажется, пишет это с известной долей иронии. Можно ли обосновать уже существующее явление? Может быть, его лучше попытаться понять и объяснить? (Недавно в «Музыкальной жизни» я увидел заголовок, который заставил меня вздрогнуть: «Быть или не быть ВИА?» Я подумал, что здесь могут быть два варианта: либо это статья музыковеда-футуролога, пытающегося предсказать развитие жанра в будущем, либо же дискуссия администраторов, решающая сложный вопрос — «можно» или «нельзя». Оказалось, что нет, — это был обычный материал о судьбе легкого жанра, меня сбила с толку бессмысленность заголовка, относящегося к тому, что уже есть и насчет чего не может быть вопроса — быть или не быть.)

Теперь, излив душу, попытаюсь ответить на Ваши вопросы. Я считаю себя счастливым человеком вообще и применительно к предмету нашей переписки — в частности. У меня никогда не было проблем, включать ли «Битлз» в мой культурный обиход. Может быть, потому, что свое место там они заняли намного раньше всего остального. Впервые я услышал их в том же 1964 году, когда мне было двенадцать лет, и полюбил их сразу и безоговорочно на всю жизнь. Никакой другой музыки для меня несколько лет не существовало. Я лишь из вежливости поддакивал маме, когда она просила сходить с нею на симфонический концерт или послушать пластинку любимого ею Гершвина. Но — в жизни всегда есть место случаю — пришел день, когда, прокручивая на проигрывателе принесенную мне кем-то из друзей новую пластинку «Битлз», я наткнулся на песню «В моей жизни». Меня заворожил клавишный проигрыш в середине этой песни. Я мог слушать его часами — что и делал. Через несколько дней я уже сам пошел на концерт

в консерваторию. Играли старинную итальянскую музыку, а я искал свой клавесин.

Так и началось мое увлечение классикой, которая постепенно привела меня к джазу (здесь я не могу так точно обозначить переходный момент); потом я начал слушать и полюбил фольклор — ни на секунду не переставая любить и слушать рок-музыку. Потерял ли я что-нибудь от такой всеядности? Наверное, любителю какого-либо одного вида музыки будет нетрудно доказать мне, что потерял. Но приобрел я значительно больше — я услышал и почувствовал ту могучую силу, которая зовется Музыкой, и хотя мне, конечно, многое из того, что доводится слышать, не нравится, в моем сознании нет «низменной», «плебейской», «неблагородной» музыки, а могут быть только «низменные», «плебейские», «неблагородные» музыкальные произведения — независимо от их жанра.

И не стоит пока вводить «Битлз» в Пантеон наравне с Бахом и Моцартом. Великие покоятся там, ибо выдержали главное испытание — временем, а ведь всей рок-музыке немногом более тридцати. Поживем — увидим. Или, точнее, услышим. И вспомним заодно, что лишь относительно недавно снова зазвучал Вивальди, на которого столько лет смотрели свысока. А Равель, как известно, выбежал, зажав уши, из зала, где исполняли «Рапсодию в стиле блюз» Гершвина. Нет, уважаемые пуристы, не хватйтесь за перо, я не хочу сказать, что для меня Вивальди и группа «Слэйд» — явления одного порядка. Я просто хочу сказать, что по-настоящему культурный человек не может объявлять чепухой что-то ему непонятное, будь то Бетховен, Григ, Малер, Шостакович или же «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Дюран-Дюран».

Рок-музыка очень молода. Она только нашупывает свои дороги в мире музыки вообще. Но она отнюдь не находится в противоречии с остальной музыкой. Наоборот, на наших глазах происходит их слияние даже в формальном смысле: появляются рок-оперы, рок-балеты, рок-кантаты, симфонические и камерные произведения с использованием рок-групп.

Противоречие в том, что до сих пор сохраняется значительное число людей, отказывающих «другой» музыке в праве на существование. И уже неважно — что это за «другая» музыка: Бах или «Битлз». Мне жаль и тех и других «меломанов».

А что касается «неблагородного» происхождения рок-музыки, то тут, уважаемый дилетант, я с Вами решительно не согласен. Рок-музыка родилась из современного городского фольклора — она не выведенное искусственно растение, а росток, пусть еще некрепкий, корни которого в живой народной музыке. Что же может быть благородней?

Впрочем, это тема отдельного разговора.

Не нужно уравнивать ее в правах с классикой — это произойдет или не произойдет само по себе. Просто, раз уж можете, наслаждайтесь ею: Вы же пишете, что она вам нравится! Зачем же постоянно пытаться разумом оправдать свои чувственные влечения?

Боюсь, что, пытаясь танцевать «от печки», то есть от творчества «Битлз», мы ее ненароком разворотили. Но надеюсь, что если бы «Битлз» узнали, о чем мы говорили, вспомнив о них, они не были бы на нас в обиде.

*С уважением, искренне Ваш
Андрей Гаврилов.*

Р. С. На стиральной доске у «Битлз» никто не играл.

А. Г.